

Малиновымъ авономъ встрѣчала правдники Москва, ширясь она и тогда-то стала дѣлаться Вѣлокаменной.

Тихо, скромно, молитвенно, съ улыбкой веселой благодушія, но весь въ преданіяхъ и въ старомъ укладѣ, весь въ обыклові, который остался отъ дѣдовъ и отцовъ, царствовалъ Алексѣй Михайловичъ.

Сентябрьскій день, солнечный, теплый—не отличить отъ весны и много тѣни, чистъ, прозраченъ воздухъ и лишь желтѣть и краснѣть листья. Осенніе дни московскаго строительства! Все, какъ по старинѣ, все, какъ еще при Иванѣ III! Такъ же неличава поступь, такъ же снятъ обычай старины, но желтѣть и падаетъ все, чѣмъ строилась Русь и до и послѣ смуты..... Тамъ, пока на женской половинѣ, растетъ этотъ мальчикъ-великанъ съ огненными глазами, что заморозилъ царство, доставшееся ему отъ отца, необъятымъ холодомъ своевластія, чтобъ потомъ тому же царству дать полную, благоухающую весну распѣта!

Двести лѣтъ тому назадъ Россія переживала не лихолѣтье, не смуту, а глубочайшій перепоротъ своей восьмивѣковой жизни. На смѣну шествію покойному и нилшше медленному—вдругъ стремительный бѣгъ, на смѣну бармамъ, длиннополдой одеждѣ, мановенію руки, возстацію, воуглашенію—и вдругъ затасканный кафтанъ, засунутая трубка съ меркнмъ зельемъ, дубинка, простая вмѣсто посоха, обрывистыя слова вмѣсто плавной рѣчи! Падали бороды, а съ ними вмѣстѣ старый укладъ и обрядъ, и черезъ прорубленное окошко сильными порывами врвался въ нашу живнѣ вѣтеръ, вѣтъ, не вѣтеръ—буря, все ломающая и сокрушающая! А ему было весело отъ сознанія, что ему все можно, ибо въ мочѣ его была вѣра въ то, что „такъ надо“. Онъ вѣрилъ въ русскаго Бога, въ Русь—свою родину, въ неочагую силу могучаго племени, надъ которымъ судьба его поставила царствовать. И въ одеждѣ сардамакскаго плотника, и въ немудреномъ тулупѣ, когда онъ мчался въ савяхъ отъ Архангельска къ Азову, или когда съ засученными рукавами на Красной площади рубилъ головы стрѣльцамъ, и въ пылу Полтавской битвы, и на крестинахъ у голландца въ вѣмпецкой слободѣ—онъ былъ царемъ такимъ же, какъ Иванъ III, ибо черезъ всѣ иностранныя слова онъ помнилъ слова Великаго Даниловича: „а коли вы мнѣ будете указывать, то какое же это государство“. Да, онъ указывалъ, а кто перечилъ ему или противился, того не только дубинкой, но и весьма аркебузировалъ, а то и топоромъ!

Въ любви къ Россіи, въ любви къ власти, въ сознаніи, что народъ за эти любви, понявъ ихъ, все простатъ, Петръ захо-